.3..
B60
B8
EH171
P616

Л. Троцкий.

Речь товарища Троцкого на митинге в Гомеле 10 мая 1920 года.

ЕН 171
Р 616

Минским курсам командного состава в память встречи под Речицей посвящаю эту речь.
Л. ТРОЦКИЙ.

РЕЧЬ ТОВАРИЩА

ТРОЦКОГО

на митинге в Гомеле 10 мая 1920 года.

1920 г.

К.

ЕН171
Р616

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П.(б.)

(586
98)

12/82

3132
36 с1.

1063142

В60
52

РЕЧЬ ТОВ. ТРОЦКОГО

на митинге в Гомеле 10 мая 1920 года.

Товарищи, позвольте приветствовать вас в Красном Гомеле от имени Совета Народных Комиссаров и от имени нашей рабочей и крестьянской Красной Армии.

Товарищи, Гомель является сейчас не просто одним из наших губернских городов,—Гомель сейчас один из узловых пунктов на нашем Западном фронте, где решается судьба Рабоче-Крестьянской Украины и Рабоче Крестьянской России. Западный фронт долго был в тени. После наших побед на Востоке над Колчаком, на Юге над Деникиным, на Севере над Миллером и Юденичем мы хотели надеяться на то, что на Западном фронте мы будем пощажены от необходимости вести долгую, упорную и кровопролитную борьбу. Мы хотели надеяться на то, что польская шляхта—чванливая, легкомысленная и хищная—все же найдет в себе достаточно здравого смысла для того, чтобы отказаться от нападения на нас после того, как мы честно и открыто признали свободу и независимость Польши и отказались от какого бы то ни было вмешательства во внутренние польские дела.

Историки в будущем будут с изумлением читать книгу об отношениях Советской России и буржуазно-шляхетской Польши. Я думаю, что здесь, на этом многотысячном собрании, немного найдется граждан, которые усумнились бы в том, кто сильнее, кто крепче: Рабоче-Крестьянская Россия или шляхетская Польша? Мы несравненно сильнее, и мы это скоро докажем панам в Варшаве. Но мы хотели мира. Мы готовы были этот мир купить, уплатить за него дорогою ценою, только бы избежать пролития крови рабочих и крестьян. Мы шли на самые тяжкие уступки. Возьмите газеты последних месяцев, последнего года, и вы не найдете не то что месяца, вы не найдете недели, когда бы Советское правительство не делало шага, направленного на заключение мира с Варшавой. Мы обращались по радио, мы пользовались всеми случаями, всякой оказией, мы обращались прямо в Варшаву и через посредство Лондона и Парижа. В наших обращениях мы говорили: „Вы, господа из Варшавы, хотите ограбить Украину и ограбить Россию. Скажите точно, чего вы хотите, и может быть мы дадим вам добром то, чего вы хотите достигнуть силой",—таков был постоянный и неизменный голос Советской власти.

Когда Польша стонала под ярмом Гогенцоллерна, Советская власть первая в мире признала право Польши на самостоятельность и подняла голос протеста против насилий германского милитаризма над польским народом. Когда немецкая революция освободила Польшу из-под германских кандалов, тогда мы немедленно открытым и торжественным образом признали Польшу самостоятельной и заявили, что никогда ни одна советская воинская часть не посягнет на границы Польши.

Там тогда было правительство мелко-буржуазного шовиниста Морачевского. Мы обратились к нему с предложением открыть немедленно мирные переговоры. Это было еще в конце 1918-го года. Как ответило нам правительство Морачевского? Оно ответило нам не словами,—оно ответило делом. Наша красно-крестная миссия возвращалась из Германии через Польшу. Это была группа мирных людей,—среди них были женщины,—которые возвращались в Россию после того, как они оказали посильную помощь нашим больным пленным, находившимся в

Германии. И вот, товарищи, когда эта миссия Красного Креста, во главе которой стоял тов. Веселовский, гуманнейший и благороднейший человек, сам польской национальности, один из основателей польской рабочей партии,—когда эта миссия проходила через Польшу с разрешения польского правительства, на нее напали агенты Морачевского, и вся миссия Красного Креста была убита, в том числе одна пожилая женщина. Вопль негодования польского рабочего класса заставил польское правительство год спустя привлечь убийц для видимости к суду. Польский суд всех оправдал... Вот как ответило правительство освобожденной польской республики на наше предложение мирных переговоров!

Товарищи, отказались ли мы после этого от надежды и желания заключить мир? Нет, наша дипломатия шла дальше по той же линии, добиваясь мира во что бы то ни стало. Правительство Морачевского пало, на его место стало правительство Падеревского, известного пианиста, но плохого музыканта в политике. Правительство Падеревского, однако, как бы готово было пойти нам навстречу. В Москву к нам прибыл уполномоченный польского Красного Креста Александр Венцковский. Наш Народный Комиссар по иностранным делам, тов. Чичерин, немедленно заявил ему: „Дела о пленных сами по себе, но мы вам предлагаем сейчас, немедленно, сесть вот за этот стол, чтобы обсудить все вопросы, которые касаются отношений между Польшей и Россией. И я, Чичерин, заявляю вам от имени советского правительства, — так сказал он, — нет ни одного вопроса, из за которого нам стоило бы воевать. Если дело касается торговых сношений—мы договоримся; если—спорной территории, земли, мы обратимся к населению, устроим плебисцит, т. е. спросим самих граждан спорных губерний, к какой стране они желают принадлежать—к Польше или к России". Таково было предложение Чичерина, и нет и не может быть ни одного человека, честного, со здоровыми мозгами, который бы сказал, что это было недостойное или несправедливое предложение. Что сказал Венцковский? Он обещал, что польское правительство подумает. Он уехал в Варшаву. Мы ждали ответа, мы посылали запрос за запросом, но в Варшаве колебались и „думали".

В конце прошлого, 1919 года, 22-го декабря, если память мне не изменяет, Народный Комиссар по иностранным делам тов. Чичерин снова обратился по радиотелеграфу,—так что весь мир это читал,—с нотой к правительству Пилсудского, в которой предлагал приступить к мирным переговорам. Дело в том, что в начале или в средине декабря в польском сейме—в польском лжепарламенте—товарищ министра иностранных дел Скаржинский на запрос, почему не открываете мирных переговоров с Россией, ответил: „Россия нам никаких мирных предложений не делала". — Это после всего того, что нами было сделано!.. В ответ на это тов. Чичерин по радио на весь мир заявил: „Мирные предложения мы вам делали и делаем и в 12-й или в 15-й раз повторяем: независимость Польши признаем, нападать на вас не собираемся, перемирие предлагаем установить немедленно и открыть мирные переговоры".

Каков был ответ? Никакого ответа. На этот раз не нашлось нашей миссии Красного Креста в Польше, чтобы истребить ее—в виде ответа. Мы ждали больше месяца. 28-го января мы обратились с новым предложением за подписью Председателя Совета Народных Комиссаров тов. Ленина, тов. Чичерина, как Комиссара по иностранным делам, и за моей подписью, как Комиссара по Военным делам,—мы обратились в Варшаву по радио и оттуда по радио получили росписку. Весь мир принял это радио и весь мир читал и обсуждал. Что мы заявили? Мы заявили, что Польша стоит сейчас накануне крайне ответственного решения: война или мир. Мы предлагали из Москвы обсудить и обдумать теперь же, прежде чем прольется кровь: „Чего вы требуете? Независимости Польши?— Мы ее признаем. Вы боитесь, что мы будем низвергать буржуазное правительство Варшавы? Нет, мы не будем вмешиваться в ваши внутренние дела,—вас свергнет польский рабочий класс, когда найдет это нужным. Вы захватили чужие земли: Белоруссию, Литву, литовскую столицу Вильно,—вы боитесь, что мы это отнимем? Мы заявляем, что мы готовы примириться и с этим, ибо русский народ больше всего нуждается в мире и в честном труде, чтобы возродить хозяйство. Вы боитесь, что у нас есть сделки с германским правительством против вас? Мы вам заявляем во всеуслышание,

что ни с немцами, ни с каким либо другим правительством, у нас нет никакого тайного или явного соглашения, которое было бы направлено прямо или косвенно против Польши. Мы предлагаем вам перемирие и немедленный переход к мирным переговорам". Вот, товарищи, наша нота к Польше от 28-го января.

Я спрашиваю опять-таки всех граждан, всех гражданок.— разумеется, тут могут присутствовать отдельные агенты пана Пилсудского, но они, конечно, не обязаны отвечать: они по своей профессии народ скромный, они помолчат... Но остальные, честные граждане, рабочие, крестьяне, красноармейцы.—они все скажут, как один человек, что нота, которую мы послали Варшавскому правительству, была делом народного правительства, которое хотело мира во что бы то ни стало и честно и открыто к этой своей задаче шло.

Каков был ответ? Мы не получили ответа!

2-го февраля собрался Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов—высшая власть в нашей стране—и он первым делом подтвердил нашу ноту польскому правительству и обратился с воззванием к польскому народу, призывая его стать под знамя мира. Повторяю: это было 2-го февраля. Каков был ответ? До 27-го марта мы не имели никакого ответа. Только 27-го марта из Варшавы получилась радиотелеграмма, в которой нам приказывали (да, приказывали!) в десятидневный срок прислать наших делегатов в город Борисов. Наша дипломатия на это ответила: „Мы предлагаем прежде всего перемирие по всему фронту. Раз вы сами, польское правительство, признаете, что можно вести мирные переговоры, стало быть, к чему же проливать хотя бы одну лишнюю каплю крови? Перемирие по всему фронту!" Польское правительство ответило: „Нет, перемирия не будет!". Они, стало быть, хотели вести переговоры для отвода глаз, а в то же время продолжать войну для грабежа на Украине, для захвата частей Советской России. На это мы им ответили, что мы согласны даже и на это, но в таком случае мы не можем вести переговоров в Борисове, ибо Борисов — город, находящийся на линии фронта. Мы согласны вести переговоры у нас, в Москве или в Петрограде, или в Варшаве у вас. Мы согласны вести переговоры

в Эстонии — в нейтральной стране — или в Лондоне, или в Париже у ваших союзников. И мы им ответили 7-го апреля, что мы даже готовы вести переговоры в Белостоке, в Гродно, но только не на линии фронта, ибо если нас заставят драться, то нам придется драться там, где мы найдем нужным. Польское правительство ответило: „Нет, мы назначили вам перемирие около Борисова, а драться будем там, где нам угодно". На это мы, товарищи, не могли пойти, ибо польская шляхта рассчитала, где у нас больше сил, и очевидно предвидела, что 16 армия под Борисовым может нанести полякам серьезный удар, и там польское командование приказало быть перемирию, а драться эти господа хотели там, где у них был перевес сил. Разумеется, для нас стало ясно, что о перемирии и мире эти господа и не думают, что они хотят использовать лозунг мирных переговоров для того, чтобы усыпить своих рабочих, желающих мира, а с другой стороны, обмануть нашу Красную Армию. Тогда мы обратились в Лондон и Париж по радио-телеграфу и заявили: „Вы, господа, Ллойд Джордж, Мильеран и все прочие покровители и благодетели пана Пилсудского,—вы желаете с нами вести торговые сношения, в таком случае прикажите вашему наемнику, вашему приказчику Пилсудскому заключить с нами мирный договор!" Молчали Париж и Лондон. Европейские биржи отошли к сторонке, скрестили руки на груди и сказали себе: „Мы еще посмотрим, может быть русский народ истечет кровью под ударами поляков, может нам в наследство останется труп того тела, которое ранее было Россией".—Вот как на бирже учитывали новое наступление на нас.

Тогда, товарищи, для нас стало ясно, что с Запада грозит нам большая гроза, и мы стали готовиться к обороне. Но уже у Пилсудского был перевес: он под звуки мирных переговоров собрал свои дивизии, подготовился к наступлению, и первый удар нам нанес: завладел Волынью, и завладел—временно, но завладел—столицей Украины—Киевом.

Товарищи, мы вправе себя спросить, что же означает эта политика даже для безмозглых, хвастливых, оторванных от народа шляхтичей и магнатов, что означает этот бессмысленный натиск? Неужели Пилсудский и его свора серьезно надеются диктовать

свою волю трудовому народу? Они действуют под нажимом самой реакционной, самой хищной клики польских помещиков-аграриев, магнатов. По их приказу польская армия захватила Волынь, Подолию и часть Киевщины. Сколько там поляков? Справьтесь со статистикой, окажется, что в Подольской губернии поляков менее трех процентов,—два процента и одна десятая, то-есть на сто душ два с лишним поляка. В Волынской губернии немного больше, там поляков около восьми процентов. В Киевской губернии поляков полтора процента,—ровным счетом полтора человека на сто. Во всей этой области большинство народа украинское,—этого и польская статистика не отвергает,—там от 75 до 80 процентов украинцев. В Киевской губернии 87 процентов украинцев на полтора процента поляков! Но, товарищи, эти полтора процента поляков, это особенный народ, это не простые трудовые поляки, не простые честные рабочие,—нет, это народ первосортный, это землевладельцы, это сахарозаводчики, это магнаты, это богачи. Советская революция отняла у них земли, заводы, фабрики. Они по существу дела плевать хотели и на Польшу и на весь мир. Один у них есть бог—это барыш, это собственность, это капитал. Во имя этого своего бога они готовы опрокинуть вверх дном и Польшу, и Украину, и весь мир. И вот эта хищная свора магнатов, которая хочет вернуть себе земли, заводы, поместья и богатства,—эта свора толкнула честный трудовой польский народ на войну против Украины и против России.

Раз война нам навязана после того, как мы сделали все для избежания войны, мы будем воевать, и мы будем воевать до конца. Не для того мы низвергали господство Романова и господство наших панов, помещиков и капиталистов, чтобы затем просунуть свою шею в ярмо пана Пилсудского и польских магнатов. Нет. Мы шли на уступку, мы предлагали мир, мы готовы были этот мир оплатить дорогою ценою. Но раз нам навязали войну, то мы будем вести ее так же, как вели дело борьбы за мир, то-есть основательно и твердо. Мы обратились к широким трудовым массам России и Украины, и эти массы поднялись,—они поднимаются каждый день во все большем числе. На этот раз война не пройдет безнаказанно для польской шляхты.

Вы знаете, товарищи, что буржуазия и дворянство во всех странах—хищный и развратный класс, но и в ее среде есть различие. Если польский рабочий класс, честный, энергичный, революционный, имеет огромные заслуги в борьбе, если польское крестьянство терпело самые тяжкие насилия, самый тяжкий гнет, то польская шляхта и польская буржуазия—это из всех дворянских сословий, из всех буржуазных классов наиболее циничный, безтолковый, хвастливый, наглый, авантюристический. Кто же погубил Польшу в 18 столетии, кто довел ее до полного распада? Конечно, ее заграбили короли и цари. Но кто ее предварительно ослабил? Польская шляхта. Она довела Польшу до раздела и гибели. И внуки и правнуки панов 18-го века остались верны политике своих дедов и прадедов.

Они бросили нам вызов. Они просчитались. Они думали, что это будет одна из войн, за которую кровью своей заплатят рабочие и крестьяне России и Польши, а шляхта и буржуазия пожнут барыши. Польская шляхта была всегда воинственной за счет польского трудового народа, за счет хлопов. И вы знаете, что существует даже пословица о том, как „паны дерутся, а у хлопов чубы трещат". Эта пословица относится к тем войнам, которые польская буржуазия вела с дворянством русским и украинским. „Паны дерутся, а у хлопов чубы трещат",—так говорил разбитый, распятый польский, украинский, белорусский и русский мужик.

И вот эти драчливые паны сделали вызов уже не панам украинским, белорусским и русским, а русским рабочим и крестьянам —трудовой России. И здесь мы говорим: „Нет, властители Варшавы, эта война не будет похожа на все старые войны, когда дрались паны и когда у хлопов, у мужиков, у рабочих трещали чубы. Нет, Советская Россия покажет вам новую войну, мы будем воевать так, что на всю Польшу, на всю Европу, на весь мир затрещат чубы польских панов (бурные аплодисменты).

Товарищи, приступая к этой тяжкой борьбе после первых неудач, мы должны свою душу, свою совесть очистить от вражды и ненависти к польскому народу, кто этими чувствами затронут. Польский народ нам друг и брат. Часть его обманута, одурмане-

на, другая часть его сознает великое преступление своей власти, но сдавлена тисками насилия. Наша война направлена не против польских рабочих и крестьян—нет, она направлена за них. Когда то польские повстанцы против царя, против царизма говорили русским революционерам, русским гражданам: „За нашу и вашу свободу". Польские повстанцы против самодержавия считали, что ведут бой „за нашу польскую и за вашу русскую свободу",—и они были правы тогда. Теперь мы вынуждены к войне против польских магнатов. И мы заявляем польским рабочим и крестьянам: „Не против вас, друзья и братья,—за нашу и за вашу свободу, против наших и ваших врагов, против угнетателей, магнатов-насильников ведем мы борьбу". И этого, товарищи, не следует забывать никогда. Красноармеец в пылу боя, когда он наносит врагу удар, должен помнить, что когда будет низвергнута польская буржуазия, Польша останется свободной, на Польшу мы не покусимся, с рабоче-крестьянской Польшей мы заключим братский союз в интересах как нашего, так и польского народа.

Правда, товарищи, что Пилсудский, захватив Волынь, и Подолию, и Киев, и угрожая Гомелю, и Витебску, и Смоленску, весь свой путь отмечая насилиями, грабежами, расстрелами, погромами,—Пилсудский говорит, что его задача—освободить Украину! От кого? От украинских рабочих и крестьян! И он нашел для своего разбойничьего похода вывеску, правда старую, потрепанную, и не очень опрятную, но все же „освободительную" вывеску, которая называется—Петлюра. Он, Пилсудский, признает на Украине правительство Петлюры, и он воюет для Петлюры. Он проливает кровь русских и польских рабочих и крестьян только ради власти этого великого человека с Сорочинской ярмарки,—гетмана Петлюры.

Товарищи, кто же такой Петлюра, защитником которого выступает Пилсудский? Петлюру мы знаем,—за последние годы имя его называлось не раз. Я заранее извиняюсь, если здесь есть два-три его друга, но я должен о нем сказать несколько откровенных слов.

Вы помните, товарищи, те тягчайшие дни, когда мы вели переговоры с германским правительством в Брест-Литовске. Тогда из

Киева, из Киевской рады, раздался призыв к австро-германским кайзерским войскам—придти на Украину для ее „освобождения". И кайзер Вильгельм освободил Украину по призыву Киевской рады от правительства украинских рабочих и крестьян. Кто был в Киевской раде? Военными делами в ней заведывал Петлюра. Он призвал кайзера, и тот пришел, Украину взял себе, обобрал и распял украинских рабочих и крестьян, а Петлюру после этого выбросил в сорную кучу, как старую, грязную портянку, которая свою службу сослужила, и вместо него поставил гетмана Скоропадского—более надежного слугу... Пал в ноябре 1918 года кайзер Вильгельм. Вслед за ним пал Скоропадский. Тогда Петлюра вылез из сорного ящика и обратился к Антанте,—к Франции и Англии, т.-е. к их биржам, и предложил свои услуги; он клялся при этом, что его фирма, самая лучшая фирма—сам кайзер Вильгельм одобрял (смех). И что же, Антанта, которая тогда посылала свои войска в Одессу, дала ему тридцать сребренников, или тридцать миллионов сребренников,—этого мы с вами точно не считали,—на создание Петлюровской армии. И он ее уже начал создавать под знаменем англо-французской биржи, но украинские рабочие и крестьяне скоро прекратили эту предательскую игру. На Украине воцарилась Советская власть, и Петлюра был вторично выброшен в мусорную кучу. Он там лежал до тех пор, пока пан Пилсудский не решил ограбить Украину. Пилсудский ударил себя по лбу и сказал: „Есть для этого подходящая вывеска, правда помятая, потертая и слегка пропитанная (смех), но в этой коммерции без нечистых средств не обойдется". И он извлек из мусорного ящика Петлюру. Итак, Украина будет освобождаться в третий раз: сначала кайзер, затем англо-французская биржа и теперь польские магнаты.

В благодарность за это Петлюра заранее передал в собственность пану Пилсудскому земли на запад от Стыри и Збруча. Какие это земли? Это, стало быть, вся восточная Галиция, населенная украинцами, это западная Волынь, это Полесье и Холмский край. В этих областях живет семь с четвертью миллионов душ, из них пять с четвертью миллионов украинцев с небольшой примесью белоруссов и великороссов. Поляки составляют ничтож-

ное меньшинство. Петлюре нечего терять, и он великодушно отдает целую страну,—ибо эта область больше Швейцарии, больше Голландии, больше Швеции,—отдает целую страну в дар пану Пилсудскому, который извлек его из сорного ящика.

Вот, товарищи, кем теперь решаются судьбы Украины, вот в чьих руках находится теперь город Киев, и вот против кого мы вынуждены вести беспощадную и свирепую борьбу. Да, напряженную и свирепую войну, ибо, товарищи, они пользуются поддержкой Антанты, у них прекрасная техника, и они знают, что если они на этом сорвутся, то Польша превратится в Советскую Республику. Советская Республика Польша станет мостом между нашей страной и всей Европой, и по этому мосту революционные идеи русских рабочих и крестьян перейдут в другие страны. Вот почему польская шляхта будет драться до конца и будет иметь поддержку буржуазии Антанты, и вот почему борьба будет суровой, и нам нужно готовиться к упорной и беспощадной борьбе. К этому призываем мы вас, граждане и гражданки!

Город Гомель, который стоит почти на виду у нашего фронта, один из городов, которому грозит возможная опасность. Для того, чтобы эта возможная опасность не превратилась в опасность действительную, нужно, чтобы у нашего фронта был твердый, надежный тыл. У польской шляхты не мало агентов в нашей собственной стране. Я не даром и не для шутки говорил о тех пилсудчиках и петлюровцах, которые в небольшом числе могут находиться и здесь. Они имеются на железных дорогах, они несут ложь, и отраву, и клевету, и провокацию в среду русских рабочих, крестьян и красноармейцев. Эти шпионы стремятся причинить вред везде, где могут и как могут. Наша задача, священный долг всех честных граждан в этих трудных условиях помочь Красной Армии, чем можно. Внимательно следить за деятельностью подозрительных лиц, агентов Пилсудского и контр-революции и опускать на них беспощадную руку революционного трибунала, когда они уличены в покушении или во вреде рабоче-крестьянской Республике.

Я, товарищи, был сегодня под Речицей. Мне рассказывали там, на нашем фронте, о тех неописуемых зверствах, какие учи-

няет польское белогвардейское офицерство и польское белогвардейское кулачье над пленными и ранеными красноармейцами. Они не признают больше пленных вообще. Они вешают не только коммунистов, они вешают каждого беспартийного среднего красноармейца, попадающего к ним в руки, и они истребляют даже раненых и больных, которые попадают к ним с лазаретом. Товарищи, я спрашивал, не преувеличено ли это, не клевета ли это, ибо и на врага нельзя клеветать. Мне сказали: „тогда-то пришел такой-то, здесь пробрался такой-то,—все они люди, заслуживающие доверия, все они видели и все подтверждают эти ужасающие зверства".

Чем мы ответили? Сегодня же нами от Революционного Военного Совета Республики издается приказ по всем войскам Западного фронта не мстить за все эти злодеяния беспомощным польским пленным. Если мы возьмем польского рабочего или крестьянина в плен, то, товарищи,—да будет отсечена рука того красноармейца, который на пленного и безоружного, больного и раненого поднимет нож. Мы боремся только против вооруженных. Почему расстреливает польская шляхта наших пленных рабочих и крестьян? Потому что знает, что честный красноармеец всегда останется заклятым врагом магнатов и насильников. Но если польского рабочего и польского крестьянина, которого мы возьмем в плен,—если мы его посадим рядом с собою и мы ему скажем нашу правду против лжи Пилсудского и его магнатов, то этот польский рабочий или польский крестьянин будет через несколько недель, или через несколько дней самым злейшим врагом Пилсудского. Так мы превратили в революционеров немецких солдат, которые потом восставали против Вильгельма, и австрийских, и венгерских, и колчаковцев, и деникинцев,—они все прошли через нашу школу. Мы пленников не расстреливали, а превращали в сознательных борцов. Поэтому и польские легионеры, польские рабочие и крестьяне, которые попадают к нам в плен, не должны бояться жестокости и казни,—нет, мы принесем им свет коммунизма, свет учения о братстве всех трудящихся людей. Если они к нам пришли под желтым знаменем хищнического империализма, то они от нас уйдут под красным знаменем революции и коммунизма. Нужна беспощадная борьба в бою и великодушие по отношению к пленному врагу. Беспощад-

ная вражда к магнату, капиталисту, дружески протянутая рука польским рабочим массам. Мы не позволим покушаться на нас, но мы не занесем и своей руки на независимость польского народа. И мы верим, мы знаем, что польская республика из этой войны выйдет другой.

Наша страна—Россия—в течение веков стояла под знаменем, на котором значился двуглавый орел. Что означали две его головы? Одна клевала и терзала русский трудовой народ, а другая была направлена на окраины—на поляков, литовцев, эстонцев, финнов, и угрожала другим народам за пределами России. Таковы две головы хищного царского орла.

Мы обе головы отсекли, мы живем под новым знаменем, на котором значится серп и молот—символ труда, а труд ведет людей к братству.

Польская республика не есть республика труда,—нет, это республика буржуазии и шляхты. На ее гербе изображен белый орел, правда одноглавый, но это голова хищника, которая поворачивается и направо и налево, чтобы клевать и терзать и своих польских рабочих, и украинских, и белорусских рабочих и крестьян. Этот белый орел—он уже весь покрыт кровью. И наша задача теперь—отсечь голову хищному польскому орлу и тем самым помочь польским рабочим и крестьянам поднять над польской республикой знамя, на котором будут, как и у нас, символы труда. И тогда между Польшей и Россией не будет вражды—будет союз, будет братство, и мы сможем все силы отдать спокойному, мирному, честному труду. И мы поднимем нашу страну из нищеты, из расстройства, бедности и болезней, и мы превратим ее трудом сотен тысяч рабочих и крестьян, которые ныне проливают свою кровь на фронтах,—мы превратим нашу страну в цветущий сад, где люди будут в довольстве, в спокойном и счастливом труде наслаждаться наукой и искусством, создавать лучшие условия для грядущих поколений, так что все человечество станет, наконец, подлинным свободным хозяином нашей планеты.

Вот, товарищи, во имя чего мы вынуждены дать отпор польской шляхте. И мы этот отпор дадим. Они нам бросили вызов, и

мы пойдем в этой борьбе до конца. „За нашу и вашу свободу,— говорим мы польским рабочим и крестьянам,— мы идем к вам на встречу!“ Да здравствует рабоче-крестьянская Польша! Да здравствует рабоче-крестьянская Россия! И да здравствует мировая революция, освободительница всех трудящихся!

1063142

Походная типография поезда Предреввоенсовета ТРОЦКОГО.

БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

Ч.З.
В60
Б8

Л. Троцкий.

Речь товарища Троцкого на митинге в Гомеле 10 мая 1920 года.